

АСТРА ВРАНЕШ

БЕЛЫМ ШТОРМ

Астра Вранеш

Белый шторм

«Автор»

2026

Вранеш А.

Белый шторм / А. Вранеш — «Автор», 2026

После смерти жены школьный учитель биологии Влас Корнилов добровольно отправляется в психиатрическую клинику на острове посреди Ладожского озера. Здесь обещают тишину, лечение и возможность заново научиться жить. Но вскоре остров оказывается полностью отрезан от материка. Начинается снегопад. Исчезает санитар. Клиника постепенно меняется. Люди начинают вести себя странно. Исчезновения становятся всё труднее объяснить случайностью. А главное правило, которое всегда помогало отличать реальность от фантазии, перестаёт работать. Потому что иногда самое страшное происходит не с телом. Самое страшное происходит с человеком, который до последнего уверен, что всё ещё остаётся собой.

© Вранеш А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний паром	5
Глава 2. Новое расписание	7
Глава 3. Остров	9
Глава 4. Первый снегопад	11
Глава 5. Исчезновение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Астра Вранеш Белый шторм

Глава 1. Последний паром

Последний паром уходил с материка почти пустым, будто уже смирился с тем, что сезон закончился раньше календаря. Серое Ладожское озеро тяжело дышало под низкими облаками, лениво разбивая о металлический борт короткие волны, а ветер таскал по палубе колючую снежную крупу, которая не успевала задержаться на мокром металле. Влас Корнилов стоял у поручня, не замечая, как постепенно коченеют пальцы, потому что все последние недели жил в каком-то странном оцепенении, не позволявшем различать ни холод, ни усталость, ни голод. Он приехал слишком рано и почти час просидел в пустом зале ожидания, разглядывая трещины на старом кафеле и думая лишь о том, что еще месяц назад не мог представить себя человеком, добровольно отправляющимся в психиатрическую клинику. Теперь это казалось почти естественным продолжением жизни, которая после смерти жены неожиданно перестала складываться в привычную последовательность событий и превратилась в длинный, лишенный смысла коридор, где каждое утро было похоже на предыдущее.

Он никогда не считал слово «психиатрия» чем-то постыдным и тем более опасным. За пятнадцать лет преподавания биологии Влас слишком часто сталкивался с подростками, которым требовалась помощь психологов и врачей, чтобы верить в устаревшие предрассудки, однако мысль о том, что теперь пациентом становится он сам, все равно вызвала неприятное чувство внутреннего сопротивления. Несколько месяцев назад ему казалось, что он справится самостоятельно, переживет потерю, вернется к работе и снова начнет замечать смену времен года, но бессонница, внезапные приступы тревоги и полное равнодушие ко всему вокруг оказались сильнее упрямства. Психотерапевт долго убеждал его, что добровольный стационар не является поражением, а скорее возможностью вырваться из привычной среды, где каждая улица, каждая остановка и каждый магазин напоминали о человеке, которого больше нет. Влас согласился не сразу, а когда наконец подписал документы, почувствовал не облегчение, а странную пустоту, словно решение принял кто-то другой, оставив ему лишь необходимость довести дело до конца.

Остров появился впереди неожиданно, хотя паром шел к нему уже больше часа. Сначала из серой дымки проступили темные пятна сосен, потом обозначились гранитные берега, а следом над деревьями поднялся массивный силуэт старого монастырского комплекса, окруженного высокой каменной стеной. Даже с расстояния было видно, что здания недавно реставрировали: крыши выглядели новыми, окна отражали тусклый ноябрьский свет, а над центральным корпусом не поднималось ни клочка дыма, потому что современные котельные давно вытеснили печные трубы. Влас заранее просмотрел фотографии клиники на официальном сайте и ожидал увидеть что-то похожее, однако снимки не передавали ощущения полной оторванности этого места от остального мира. Остров казался не просто удаленным, а существующим по собственным законам, будто Ладога незаметно отрезала его не только от материка, но и от привычного течения времени.

Когда паром коснулся причала, на берегу уже ждали двое мужчин в темно-синих куртках с эмблемой клиники и невысокая женщина в белой шапке, поверх которой был накинут капюшон зимнего пальто. Пассажиров оказалось всего четверо, и каждый быстро получил свой багаж, после чего причал снова опустел, словно людей здесь вообще никогда не бывало. Один из мужчин сверился со списком, уточнил фамилию Власа и, доброжелательно улыбнувшись, предложил пройти к машине, которая отвезет новых пациентов к главному корпусу. Ни реше-

ток, ни охраны, ни людей в форме Влас не увидел, и это неожиданно успокоило его гораздо сильнее любых слов врача, сказанных еще в Петербурге. Здесь все действительно напоминало скорее закрытый санаторий, чем больницу, куда привозят людей против их воли.

Дорога от пристани заняла меньше десяти минут, но за это время Влас успел заметить, что остров совсем небольшой. Узкая асфальтовая лента петляла между высокими елями, покрытыми первым снегом, затем выходила к старым хозяйственным постройкам и наконец упиралась в просторную площадь перед главным входом. Каменное здание бывшего монастыря производило впечатление суровое и одновременно спокойное: толстые стены, высокие арочные окна, темная кровля и широкая лестница выглядели так, будто могли простоять еще несколько столетий, не обращая внимания ни на снег, ни на ветер, ни на человеческие судьбы. Над входом не было ни крестов, ни религиозных символов, лишь аккуратная металлическая табличка с названием клиники и годом основания учреждения. Влас задержал взгляд на массивной дубовой двери, стараясь убедить себя, что входит сюда всего на несколько недель, после которых жизнь непременно станет проще.

Внутри оказалось неожиданно тепло. Просторный холл освещали матовые потолочные светильники, деревянные панели на стенах пахли свежим лаком, а где-то совсем рядом негромко работала система вентиляции, издавая ровный, почти успокаивающий шум. Пока один из сотрудников оформлял документы, Влас машинально осматривался, отмечая детали, которые профессиональная привычка преподавателя выделяла сама собой: стенды с описанием процедур, комнатные растения, библиотеку за стеклянными дверцами, часы с плавным ходом секундной стрелки. Все выглядело настолько обыденно, что ему даже стало неловко за собственное напряжение. Он вдруг поймал себя на мысли, что последние дни ожидал увидеть мрачные коридоры, закрытые двери и тяжелую атмосферу, хотя прекрасно понимал, насколько подобные представления далеки от современной медицины.

Через несколько минут к нему подошла высокая женщина лет пятидесяти с аккуратно собранными светлыми волосами и спокойным, почти бесстрастным лицом. Она представилась доктором Изольдой Карловной Зельц, пожала Власу руку коротким уверенным движением и предложила пройти в кабинет, где предстояло обсудить правила пребывания в клинике. Говорила она негромко и без лишних интонаций, но каждое слово звучало настолько точно, что перебивать ее не возникало никакого желания. Она объяснила режим дня, порядок обследований, расписание консультаций и отдельно подчеркнула, что лечение остается добровольным, а главной задачей персонала является возвращение пациентов к нормальной жизни. Влас слушал внимательно и неожиданно для самого себя почувствовал, что напряжение действительно начинает понемногу отступать, уступая место осторожной надежде, которой он уже давно не испытывал.

Когда беседа закончилась, санитар проводил его на второй этаж, где находилась одноместная палата с высоким окном, письменным столом и видом на заснеженные сосны, медленно раскачивавшиеся под усиливающимся ветром. В комнате уже стоял его чемодан, а на тумбочке лежала аккуратно сложенная памятка для пациентов, однако Влас не стал читать ее сразу, потому что усталость внезапно навалилась с такой силой, словно дорога заняла не несколько часов, а несколько суток. Он подошел к окну и увидел, как внизу сотрудники клиники заканчивают разгружать последний паром, после чего тот медленно отходит от пристани и растворяется среди серой воды, становясь все меньше, пока наконец совсем не исчезает за полосой снегопада. Тогда Влас еще не придумал этому значения, решив лишь, что навигация действительно закончилась до весны, и только спустя несколько секунд подумал, что теперь остров остался один посреди огромного холодного озера, а вместе с ним остался и он.

Глава 2. Новое расписание

Проснулся Влас раньше звонка, хотя вечером был уверен, что после дороги проспит до самого утра без единого пробуждения. За окном только начинало светлеть, и слабый сероголубой свет медленно вытеснял желтизну ночных фонарей, освещавших внутренний двор клиники. Некоторое время он лежал неподвижно, пытаясь понять, где находится, потому что сознание по привычке возвращало его в петербургскую квартиру, где последние месяцы каждое утро начиналось одинаково тяжело. Лишь спустя несколько секунд взгляд остановился на незнакомом потолке, деревянном шкафу и аккуратно застеленной второй кровати, которая, как объяснили накануне, оставалась свободной на случай увеличения числа пациентов. Осознание того, что он действительно оказался на острове посреди Ладоги, пришло спокойно, без вчерашнего внутреннего сопротивления, и это неожиданно показалось хорошим знаком.

После завтрака, который проходил в просторной столовой на первом этаже, Влас окончательно убедился, что представления о психиатрических больницах, сложившиеся у большинства людей, имеют мало общего с тем, что он видел вокруг. Пациенты свободно разговаривали друг с другом, кто-то читал свежие газеты, кто-то обсуждал погоду, а пожилая женщина за соседним столом увлеченно разгадывала сканворд, время от времени недовольно качая головой над особенно трудными вопросами. Персонал не торопил никого и не следил за каждым движением, ограничиваясь обычной вежливостью, какую можно было встретить в любом хорошем санатории. Даже лекарства раздавали без лишней торжественности: медсестра просто подходила к тем, кому были назначены утренние препараты, называла фамилию и коротко объясняла, что именно необходимо принять. Влас получил свои таблетки вместе со стаканом воды, поблагодарил и почувствовал легкое облегчение от того, что лечение здесь не выглядело чем-то унижительным.

Сразу после завтрака доктор Зельц собрала новых пациентов в небольшом кабинете для ознакомительной беседы. Кроме Власа их оказалось всего трое: пожилой мужчина, который почти все время молчал, полноватая женщина средних лет с тревожным взглядом и молодой парень в круглых очках, постоянно поправлявший рукава свитера. Главврач говорила спокойно и без привычной для многих врачей снисходительности, подробно объясняя распорядок дня, правила прогулок и возможности, которыми могли пользоваться пациенты во время лечения. На острове работали библиотека, мастерская, спортивный зал и даже небольшая оранжерея, где выращивали зелень для кухни, а покидать территорию клиники разрешалось свободно, если соблюдать обозначенные маршруты и возвращаться до вечерней проверки. Закончив объяснения, она предложила каждому коротко рассказать о себе, и Влас без особого желания повторил уже десятки раз произнесенную за последние месяцы историю: преподаватель биологии, временный отпуск, лечение после тяжелой утраты. Никто не задавал лишних вопросов, и он был благодарен за это гораздо больше, чем ожидал.

Молодого человека звали Виктором, хотя почти сразу выяснилось, что он предпочитает, когда его называют просто Витей. На вид ему было не больше двадцати пяти лет, говорил он быстро, с явным смущением, постоянно переплетая пальцы и украдкой касаясь большим пальцем каждого сустава на другой руке, словно проверял их расположение. Уже через несколько минут беседы Влас заметил еще одну особенность: выходя из кабинета, Витя считал шаги почти беззвучным шепотом, а перед тем как открыть дверь, трижды коснулся дверной ручки одинаковыми движениями. Биолог невольно отметил про себя эти повторяющиеся действия, но тут же заставил себя не превращать обычное наблюдение в профессиональный интерес. Он приехал сюда не как учитель, не как исследователь человеческого поведения и уж точно не как врач, а как человек, которому самому требовалась помощь.

После обеда Влас решил воспользоваться разрешением на прогулку и вышел во внутренний двор. Снег, начавшийся еще накануне вечером, почти прекратился, оставив после себя тонкий слой белой крупы, сквозь которую местами просматривался старый камень монастырской мостовой. Несколько пациентов медленно прогуливались по дорожкам, кто-то сидел на скамейках, закутавшись в пледы, а двое мужчин играли в шахматы под навесом, не обращая внимания на холодный ветер. Территория клиники оказалась неожиданно большой: за главным корпусом начинался парк с высокими елями, дальше виднелись хозяйственные здания и длинный корпус бывших монастырских келий, теперь приспособленных под административные помещения. Влас медленно шел по дорожке, ощущая, как после нескольких недель почти полной неподвижности тело постепенно вспоминает привычный ритм ходьбы, и впервые за долгое время поймал себя на мысли, что окружающий мир снова начинает существовать независимо от его собственного горя.

Именно в парке он впервые заметил пожилого мужчину с густыми седыми волосами и прямой, почти военной осанкой, который сидел на скамейке с раскрытой книгой, хотя, судя по тому, что страницы уже успело припорошить снегом, давно перестал читать. Старик поднял взгляд, когда Влас проходил мимо, внимательно посмотрел на него и неожиданно спросил, не он ли вчера прибыл с материка. Получив утвердительный ответ, незнакомец кивнул, будто подтвердил какую-то собственную догадку, после чего представился Лаврентием Лёвиным и без всякой паузы поинтересовался, правда ли, что Влас преподает биологию. Вопрос показался неожиданным, однако ничего странного в нем не было: во время утреннего знакомства каждый называл свою профессию, а новости в небольшом коллективе распространялись быстро. Они обменялись несколькими ничего не значащими фразами о погоде, о ранней зиме и о том, что снег в этом году пришел почти на две недели раньше обычного, после чего Лёвин неожиданно замолчал и снова уставился в раскрытую книгу, словно совершенно потерял интерес к разговору.

Влас уже собирался идти дальше, когда услышал за спиной спокойный голос старика, прозвучавший так, будто предыдущая пауза вовсе не существовала.

— Вы ведь биолог, значит, должны понимать, что некоторые организмы живут слишком долго для нашего представления о времени, — произнес Лёвин, продолжая смотреть не на собеседника, а куда-то поверх деревьев.

Влас остановился скорее из вежливости, чем из любопытства, однако продолжения не последовало. Старик лишь медленно закрыл книгу, стряхнул со страниц снег и, коротко кивнув на прощание, направился к главному корпусу, оставив после себя ощущение недоговоренности, которое казалось гораздо страннее самой фразы. Биолог несколько секунд смотрел ему вслед, затем невольно усмехнулся собственным мыслям и решил, что в психиатрической клинике подобные разговоры неизбежны, а искать в них скрытый смысл было бы по меньшей мере нелогично.

Вечером, уже вернувшись в палату, Влас открыл чистую тетрадь, купленную еще в Петербурге по совету психотерапевта, и сделал первую запись, ограничившись несколькими короткими абзацами о дороге, клинике и первых впечатлениях. Он писал медленно, тщательно подбирая слова, потому что давно заметил: когда мысли оказываются на бумаге, они перестают бесконечно повторяться в голове и становятся немного легче. Последней строкой он записал имя пожилого пациента, с которым познакомился днем, добавив рядом короткую пометку: «бывший ученый или преподаватель, производит впечатление образованного человека, но склонен к странным философским рассуждениям». Закрыв тетрадь, Влас погасил настольную лампу и подошел к окну, где снег снова начинал медленно кружиться в свете фонарей. Внизу санитар в темной куртке неторопливо пересекал двор, направляясь к служебному корпусу, и уже через несколько секунд его силуэт растворился за углом здания, а вместе с ним исчез и последний признак какого-либо движения на почти безлюдной территории клиники.

Глава 3. Остров

За последующие несколько дней жизнь в клинике приобрела размеренный ритм, который почти незаметно вытеснил дорожную усталость и ощущение чужого места. Подъем, завтрак, консультации, прогулки, чтение, обед, вечерние занятия и обязательный отбой складывались в последовательность, настолько предсказуемую, что Влас уже на четвертый день перестал смотреть на часы, заранее угадывая, когда в коридоре прозвенит звонок или откроется дверь процедурного кабинета. Его состояние действительно начинало понемногу выравниваться, хотя тоска никуда не исчезла, лишь стала менее острой, словно притупилась от постоянного повторения одних и тех же мыслей. Иногда он ловил себя на том, что может целый час думать о книге, которую читает, или о зимующих птицах, слетавшихся к кормушкам во дворе, и только потом вспоминал, что еще совсем недавно подобная способность сосредоточиться казалась недостижимой. Это были небольшие перемены, почти незаметные со стороны, но именно они впервые позволили ему поверить, что поездка на остров, возможно, действительно окажется полезной.

Пациентов в клинике было немного, и постепенно лица перестали оставаться безымянными. За столом неподалеку почти всегда сидела женщина лет сорока с короткими темными волосами, которую звали Таисией; она редко вступала в разговоры, отвечала односложно и большую часть свободного времени проводила у окна библиотеки, где могла неподвижно просидеть несколько часов подряд с закрытой книгой на коленях. Никто не пытался навязывать ей общество, а персонал относился к ее молчанию как к чему-то привычному, и Влас решил не проявлять излишнего любопытства, хотя несколько раз замечал, что взгляд Таисии задерживается на людях чуть дольше обычного, словно она внимательно изучает их лица. Витя, напротив, оказался человеком разговорчивым, стоило только привыкнуть к его своеобразной манере общения. Он увлекался программированием, любил научную фантастику и мог неожиданно перескочить с обсуждения компьютерных игр на устройство нервной системы головоногих моллюсков, если разговор случайно касался биологии, но почти каждая его мысль сопровождалась каким-нибудь повторяющимся движением: он считал ступени лестницы, касался дверных косяков, несколько раз проверял, ровно ли поставлена чашка, прежде чем сделать первый глоток чая.

Самым странным человеком оставался Лаврентий Лёвин. Он не производил впечатления растерянного или потерявшего связь с действительностью пациента, напротив, его речь отличалась удивительной ясностью, а память казалась почти безупречной. Иногда старик мог без запинки цитировать научные статьи двадцатилетней давности, вспоминать фамилии исследователей или рассказывать о давно забытых экспедициях так подробно, будто все произошло вчера. Однако временами в его рассказах появлялись темы, которые невозможно было отделить от болезненных фантазий, и тогда разговор внезапно становился бессвязным, хотя сам Лёвин этого совершенно не замечал. Именно поэтому Влас по-прежнему относился к нему с осторожной симпатией, стараясь отделять очевидную эрудицию от того, что считал проявлениями психического расстройства.

В один из дней Лёвин неожиданно подсел к нему во время обеда, аккуратно поставил поднос напротив и некоторое время молча ел, словно вообще не собирался начинать разговор. Только когда большинство пациентов уже разошлось, старик поднял голову и неожиданно спросил, нравится ли Власу остров. Вопрос показался настолько обычным, что тот ответил без раздумий, заметив, что место красивое, хотя несколько непривычно жить в полной изоляции от большого города. Лёвин кивнул, медленно размешивая ложкой давно остывший чай, и произнес, что люди всегда ошибаются, когда считают острова изолированными. По его словам, настоящая изоляция возникает не из-за воды, а тогда, когда человек начинает думать, будто

вокруг него ничего нет, кроме привычного мира. После этих слов старик снова замолчал, будто сказал все, что хотел, и лишь пожелал приятного дня, прежде чем подняться из-за стола.

После обеда Влас решил впервые пройти по дорожке, ведущей к северной части острова, куда раньше не доходил. Там почти не было построек, лишь старые сосны, валуны, занесенные снегом, и узкая тропинка, постепенно спускавшаяся к берегу Ладоги. Озеро выглядело совсем иначе, чем в день приезда: ветер стих, поверхность воды потемнела и стала почти неподвижной, а вдоль берега уже образовалась широкая полоса молодого льда, прозрачного настолько, что сквозь него были видны камни на дне. Влас долго стоял, наблюдая, как мелкие волны осторожно покачивают ледяную кромку, и поймал себя на профессиональной привычке мысленно оценивать скорость замерзания водоема, толщину льда и температуру воздуха. Ему вдруг вспомнились школьные уроки, на которых он рассказывал ученикам о физических свойствах воды, и впервые за долгое время эта мысль не вызвала боли, а лишь легкую грусть, похожую на воспоминание о давно завершившемся периоде жизни.

Возвращаясь обратно, он заметил возле хозяйственного корпуса двух санитаров, оживленно споривших о чем-то между собой. Один был совсем молодым, едва ли старше тридцати, второй выглядел значительно старше и слушал собеседника с усталой улыбкой, время от времени качая головой. Разговор прекратился сразу, как только Влас приблизился, и оба мужчины дружелюбно поздоровались, после чего разошлись в разные стороны, словно ничего особенного не происходило. Он не придавал этому значения, отметив лишь, что коллектив клиники кажется необычайно спокойным и сдержанным: за несколько дней он не услышал ни одного громкого спора, ни одного раздраженного голоса, хотя работа здесь наверняка была нелегкой.

Вечером доктор Зельц проводила индивидуальную консультацию, во время которой подробно расспрашивала Власа о сне, аппетите и изменениях настроения. Она внимательно слушала ответы, почти не перебивая, лишь изредка делала короткие записи в карте, после чего сообщила, что пока не видит необходимости менять назначенную терапию. Влас признался, что чувствует себя немного лучше, хотя мысль о возвращении домой по-прежнему вызывает у него тревогу, и доктор спокойно ответила, что подобная реакция естественна после тяжелой утраты. Она говорила уверенно, без попыток обнадежить его красивыми словами, и именно эта сдержанность постепенно вызвала доверие. Покидая кабинет, Влас неожиданно подумал, что за несколько дней еще ни разу не видел Изольду Карловну раздраженной или уставшей, словно ее спокойствие существовало отдельно от всего происходящего вокруг.

Ночью его разбудил непривычный звук, который несколько секунд никак не удавалось распознать. Он сел на кровати, прислушался и понял, что ветер снова усилился, а где-то далеко за стенами здания глухо гудели деревья, раскачиваясь под его порывами. В палате было темно, лишь полоска света из коридора пробивалась под дверь, позволяя различить очертания мебели, и Влас уже собирался снова лечь, когда услышал, как по коридору быстро прошли чьи-то шаги. За ними последовали другие, затем негромкие голоса, приглушенные расстоянием, а спустя несколько минут все снова стихло так же неожиданно, как началось. Он несколько раз посмотрел на часы, показывавшие без четверти три, решил, что персонал наверняка просто занимался своими обычными обязанностями, и все же еще долго не мог уснуть, прислушиваясь к ровному шуму вентиляции, который теперь почему-то казался заметно громче, чем раньше.

Глава 4. Первый снегопад

Утром о ночном пробуждении почти ничего не напоминало, кроме легкой тяжести в голове, которую Влас сначала списал на непривычно короткий сон. Клиника жила своим обычным распорядком, словно никакой суеты несколькими часами ранее не существовало: в столовой негромко переговаривались пациенты, медсестры спокойно разносили лекарства, а за высокими окнами лениво кружились первые по-настоящему крупные снежинки. За завтраком Витя долго жаловался на то, что снегопад нарушает привычный рисунок дорожек во дворе, из-за чего приходится каждый раз заново считать шаги между корпусами. Он говорил об этом с такой серьезностью, что Влас невольно улыбнулся, хотя сам Витя совершенно не заметил иронии, продолжая рассуждать о том, что порядок начинается с мелочей, а хаос появляется именно тогда, когда исчезают ориентиры.

После утреннего приема доктор Зельц сообщила, что в связи с ухудшением погоды сегодняшние прогулки желательно ограничить территорией внутреннего двора, поскольку ветер со стороны озера быстро усиливается. Новость не вызвала у пациентов особого недовольства: большинство и без того предпочитало проводить свободное время в библиотеке или комнате отдыха, где стояли мягкие кресла, шахматные столики и старое пианино с потускневшими клавишами. Влас отправился именно туда, взяв с полки книгу о северных экосистемах, однако читать долго не получилось. В соседнем кресле сидел Лёвин, внимательно рассматривавший не страницы раскрытого журнала, а заснеженные ели за окном, будто они были куда интереснее любого текста. Несколько раз старик словно собирался что-то сказать, но каждый раз передумывал, продолжая неподвижно смотреть на постепенно исчезающий за снегом двор.

Лишь спустя несколько минут он негромко произнес, не отрывая взгляда от окна, что снег в этих местах умеет менять привычные расстояния. Влас поднял голову от книги, решив, что снова услышит одну из странных философских фраз, которыми Лёвин иногда сопровождал самые обычные разговоры, однако старик говорил совершенно спокойно и даже буднично. Он объяснил, что во время сильного снегопада остров становится обманчиво маленьким: кажется, будто до любого места можно дойти за несколько минут, хотя на самом деле человек все глубже уходит в белую пелену и перестает замечать, как теряет ориентиры. Влас согласился, вспомнив собственные зимние походы еще со студенческих времен, и заметил, что подобный эффект хорошо известен любому человеку, бывавшему в метель. Лёвин кивнул, словно именно такого ответа и ожидал, после чего тихо добавил, что некоторые люди теряют ориентиры не только в снегу, но и гораздо раньше.

Эта последняя фраза еще некоторое время крутилась в голове Власа, хотя сам он прекрасно понимал, что ищет смысл там, где его, вероятнее всего, нет. За последние дни он уже успел убедиться, что многие пациенты периодически произносят странные вещи, совершенно искренне считая их очевидными, и Лёвин в этом отношении почти ничем не отличался от остальных. Старик действительно производил впечатление человека очень образованного, но именно поэтому особенно трудно было отделить реальные воспоминания от тех конструкций, которые, по всей видимости, создала болезнь. Влас не раз замечал подобное и раньше, когда читал популярные статьи о некоторых психических расстройствах: интеллект вовсе не защищал человека от заблуждений, а иногда даже делал их необычайно убедительными.

После обеда снег усилился настолько, что противоположный край внутреннего двора почти исчез за плотной белой завесой. Ветер налетал резкими порывами, закручивая снежные хлопья в беспорядочные вихри, которые с шумом ударялись о высокие окна бывшего монастыря и тут же растворялись в воздухе. Из-за такой погоды занятия в оранжерее отменили, и большинство пациентов осталось в корпусе, постепенно заполняя библиотеку, комнату отдыха и длинные коридоры второго этажа. Влас несколько раз ловил себя на том, что машинально

подходит к окну, хотя смотреть за ним было уже почти не на что: весь мир снаружи превратился в непрерывное движение белых потоков, скрывших и деревья, и дорожки, и дальние постройки.

Ближе к вечеру снегопад неожиданно стих так же резко, как и начался. Над островом повисла густая белесая дымка, в которой предметы выглядели чуть размытыми, словно между ними и наблюдателем появилась тонкая матовая пленка. Влас решил ненадолго выйти во двор, воспользовавшись затишьем, и с удивлением обнаружил, что всего за несколько часов снег полностью изменил привычный вид территории. Скамейки почти скрылись под сугробами, дорожки едва угадывались по редким следам персонала, а ветви елей опустились под тяжестью налипшего снега, отчего весь парк казался гораздо темнее, чем несколько дней назад. Он сделал небольшой круг вокруг главного корпуса, ощущая приятную усталость после ходьбы, и уже собирался возвращаться, когда заметил впереди одного из санитаров, который быстрым шагом направлялся к хозяйственным постройкам, время от времени придерживая рукой капюшон.

Мужчина почти сразу скрылся за углом длинного кирпичного здания, и Влас не придал этому никакого значения. Однако, проходя мимо того же места несколькими минутами позже, он машинально посмотрел в сторону хозяйственного двора, ожидая увидеть там продолжение цепочки свежих следов. Следы действительно были, но заканчивались почти сразу за поворотом, где снег оставался совершенно нетронутым. Влас остановился, нахмурился и еще раз внимательно осмотрел двор, решив, что просто ошибся и санитар успел войти в одно из зданий через боковую дверь, которую он не заметил. Объяснение показалось настолько очевидным, что он тут же отбросил эту мысль и вернулся в корпус, мысленно упрекнув себя за ненужную наблюдательность.

Во время ужина один из санитаров несколько раз проходил между столами, негромко разговаривая с медсестрой, и Влас случайно услышал обрывок их беседы. Женщина спросила, видел ли тот Сергея после обеда, на что мужчина неопределенно пожал плечами и ответил, что, вероятно, коллега уже закончил смену. Разговор тут же перешел на совершенно другую тему, и никто из присутствующих не проявил к нему ни малейшего интереса. Влас тоже почти сразу забыл услышанное, потому что фамилия или имя санитаров ему пока ничего не говорили, а в большом коллективе подобные вопросы казались совершенно обычными.

Перед сном он сделал очередную запись в дневнике, описав прошедший день значительно подробнее, чем предыдущие. Психотерапевт советовал фиксировать не только события, но и собственные ощущения, поэтому Влас впервые попытался записать, что именно изменилось внутри него за время пребывания на острове. Он отметил, что тревога стала менее навязчивой, а постоянная тяжесть в груди уже не сопровождает каждую мысль о будущем, хотя воспоминания о жене по-прежнему приходят неожиданно и заставляют надолго выпасть из настоящего. Закрыв тетрадь, он еще некоторое время сидел у окна, наблюдая, как свежий снег медленно покрывает следы во дворе, пока наконец не понял, что различить их уже невозможно. Ночью обещали новое ухудшение погоды, и остров постепенно исчезал под ровным белым покровом, стиравшим все, что еще совсем недавно казалось привычным и хорошо знакомым.

Глава 5. Исчезновение

На следующее утро снег продолжал идти без перерыва, хотя уже не так яростно, как накануне. Он сыпался крупными хлопьями, медленно и почти лениво, словно решил не завоевывать остров штормом, а постепенно занять каждый клочок земли, каждую ступеньку, каждую ветку старых елей. Из окна палаты Влас видел, как дворник уже во второй раз за утро расчищает главную дорожку к административному корпусу, прекрасно понимая бессмысленность своей работы: едва широкая лопата оставляла за собой темную полосу асфальта, снег снова принимался терпеливо скрывать ее под свежим белым слоем. Эта бесконечная борьба с погодой неожиданно показалась ему символичной, и он даже поймал себя на мысли, что человеческая жизнь вообще состоит из подобных ежедневных усилий, которые имеют смысл лишь потому, что их приходится повторять снова и снова.

После завтрака пациентов собрали в комнате отдыха на групповое занятие. Молодая психолог предложила обсудить привычки, которые помогают человеку справляться со стрессом, однако разговор складывался вяло: большинство отвечало односложно, а некоторые и вовсе предпочитали молчать. Витя долго рассказывал о необходимости соблюдать одинаковую последовательность действий каждое утро, потому что любое отклонение вызывает у него ощущение надвигающейся катастрофы, и говорил он об этом без всякого смущения, словно описывал цвет собственных глаз или любимое блюдо. Таисия за все занятие произнесла лишь одну фразу, заметив, что после сильных потрясений никакие привычки уже не возвращают человеку прежнюю жизнь, а только позволяют не замечать, насколько она изменилась. Психолог внимательно выслушала ее и не стала спорить, ограничившись предложением продолжить разговор позже, если появится желание, а Влас неожиданно понял, что впервые слышит голос этой женщины. Он оказался спокойным, низким и удивительно ровным, без той усталости, которую почему-то ожидал услышать.

Во второй половине дня доктор Зельц проводила очередной индивидуальный прием. Она внимательно просмотрела записи медсестер, поинтересовалась самочувствием Власа и спросила, продолжает ли он вести дневник, о котором упоминал несколько дней назад. Услышав утвердительный ответ, главврач одобрительно кивнула, пояснив, что подобная практика действительно помогает многим пациентам лучше отслеживать изменения собственного состояния. Разговор длился не больше двадцати минут и почти целиком касался лечения, однако перед самым уходом Влас все же решился задать вопрос, который появился у него еще после беседы с Лёвиным. Он поинтересовался, давно ли пожилой пациент находится в клинике, и доктор ответила без малейшего колебания, что уже несколько лет, добавив лишь, что у Лаврентия Лёвина бывают периоды значительного улучшения, сменяющиеся возвращением к устойчивым бредовым идеям. Больше никаких подробностей она не сообщила, а Влас не стал спрашивать дальше, понимая, что врачебная этика имеет вполне понятные границы.

После консультации он направился в библиотеку, рассчитывая провести там пару часов за чтением, но вскоре заметил, что привычная размеренность сегодняшнего дня начала понемногу нарушаться. Сначала по коридору несколько раз быстро прошел один из санитаров, затем в холле появились сразу две медсестры, которые негромко обсуждали что-то между собой, постоянно оглядываясь в сторону административного крыла. Спустя некоторое время туда же быстрым шагом ушла доктор Зельц, и хотя лицо ее, как обычно, оставалось спокойным, походка стала заметно быстрее обычного. Влас не видел ничего необычного в том, что в большом учреждении возникают рабочие вопросы, однако общее настроение персонала изменилось настолько явно, что это трудно было не заметить.

За ужином отсутствие одного из санитаров неожиданно стало темой для разговора сразу за несколькими столами. Никто не говорил громко, но отдельные фразы постепенно склады-

вались в общую картину: мужчина, дежуривший накануне вечером, не появился на утренней смене и не отвечал по рации. Один из пациентов предположил, что тот заболел и остался в служебном общежитии, другой пожал плечами, заметив, что люди иногда увольняются без предупреждения, особенно в местах, удаленных от больших городов. Эти объяснения звучали вполне правдоподобно, и большинство быстро потеряло к теме интерес, однако Влас обратил внимание на то, что медсестры за раздачей ужина разговаривают заметно меньше обычного, а улыбки на их лицах выглядят несколько натянутыми. Особенно это бросилось в глаза потому, что за предыдущие дни он успел привыкнуть к спокойной атмосфере клиники.

Позже вечером Влас встретил Лёвина в коридоре второго этажа. Старик стоял у высокого окна, сложив руки за спиной, и молча наблюдал за тем, как снег окончательно скрывает дорожки между корпусами. Услышав шаги, он повернулся и неожиданно спросил, не заметил ли Влас, насколько быстро люди начинают объяснять непонятное самыми удобными версиями. Вопрос прозвучал без насмешки, скорее с какой-то усталой задумчивостью, и Влас ответил, что так устроено человеческое мышление: пока нет доказательств обратного, разум выбирает наиболее вероятное объяснение. Лёвин едва заметно улыбнулся, будто именно этого ответа и ожидал, после чего тихо произнес, что иногда наиболее вероятное объяснение оказывается самым опасным именно потому, что в него слишком легко поверить. На этот раз Влас не стал продолжать разговор, лишь пожелал старику спокойной ночи и направился к своей палате, мысленно отметив, что состояние Лёвина, по всей видимости, снова начинает ухудшаться.

Около десяти часов вечера по внутренней системе оповещения прозвучало короткое объявление для сотрудников, смысл которого пациенты понять не могли: дежурный администратор просил весь технический персонал собраться в административном крыле. Сообщение прозвучало спокойным голосом, без малейших признаков тревоги, однако почти сразу после него по лестнице быстро поднялись несколько человек в форменной одежде, а спустя несколько минут внизу хлопнула тяжелая входная дверь. Влас подошел к окну и увидел, как лучи двух мощных фонарей медленно движутся по внутреннему двору, затем исчезают за хозяйственными постройками, после чего появляются снова уже значительно дальше. Снег продолжал идти, густо заполняя воздух между светом фонарей и землей, поэтому вскоре различить что-либо стало невозможно.

Перед тем как лечь спать, Влас открыл дневник и попытался коротко записать события прошедшего дня, однако несколько раз перечеркнул уже написанные строки. Ему не хотелось придавать слишком большое значение обычным рабочим вопросам, тем более что он прекрасно понимал собственную склонность после пережитого искать скрытый смысл в любых мелочах. В конце концов он ограничился несколькими нейтральными предложениями о снегопаде, консультации и неожиданной суете среди персонала, после чего закрыл тетрадь. Уже выключая свет, он подумал, что к утру все наверняка выяснится и окажется гораздо проще, чем выглядело вечером, но почему-то именно эта мысль не принесла ему привычного успокоения, а лишь заставила еще раз посмотреть в темное окно, за которым белый снег продолжал медленно и бесконечно падать на почти невидимый остров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.